

GRAMMATICAL SUBSTITUTIONS AS A TYPE OF TRANSFORMATION IN TRANSLATIONS OF MODERN TATAR PROSE INTO THE TURKISH LANGUAGE

Elmira Kamilevna Khabibullina,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
minabova@mail.ru.

Alfiya Shavketovna Yusupova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
alyusupova@yandex.ru.

The study of literary translations and, particularly, linguistic transformations that occur in translations of fiction from one language to another is a relevant area of modern linguistics. In the actual process of translation substitution is not just mere replacement of lexical and grammatical elements of one language with their equivalents from another language. In the complicated process of translation cultural aspects, interpersonal relations, individual worldviews of the translator and the author are contrasted. The study of translational transformations in related languages, namely, translations of Tatar prose into Turkish, is of particular interest. In recent years, the number of Tatar literary translations into Turkish has been steadily increasing. The Turkish reader has been offered translations of the works by A. Gilyazov, A. Eniki, R. Muhammadiyev, R. Batulla, and others. This article attempts to analyze grammatical substitutions as a type of translational transformations in translations of Tatar prose into Turkish. We have found that one of the most common forms of grammatical substitutions occurs at the level of case forms. In addition, we have identified other, less common types of grammatical substitutions: the substitution of other nominal and verb forms, the forms of adjectives and numerals, etc. The article provides examples of grammatical substitutions in source and target texts. Each example is translated into Russian and commented upon.

Key words: linguistics, theory and practice of translation, translational transformations, Tatar literature, Tatar language, Turkish language.

Literary translation is a multifaceted and complex area of human activity. The complex process of translation involves juxtaposition of various cultures and different personalities, worldviews that are sometimes opposite to one another, different literatures and epochs with contrasting and sometimes conflicting traditions. Translation is the field of interest for culturologists and psychologists, ethnographers and historians, literary critics and linguists. Thus, different aspects of translation activity become the object of study in different sciences.

The aim of a professional translator is to ensure equivalence of information in target and source texts. In fact, the notion “equivalence” is a very ambiguous concept. It is obvious that a target text will never be completely identical to a source text. Consequently, the concept of a source text-target text translation equivalence is of relative importance, while the extent of this relativity can differ as well. The degree of equivalence between target and source texts depends on many factors, such as the skills of a translator, the main features

of languages and cultures compared in translation, the era when the source text and its translation were created, the methods of translation, the genre and content of the target texts, etc.

In recent years, as a result of the increasing number of translated texts, there has been a growing need for adequate research aimed at identifying the features of translation, certain transformations used by translators while working with the semantics of words, as well as lexical- stylistic and grammatical devices of language. The comparative linguistic-translational analysis of language transformation features has become particularly relevant due to the existing practical need for a comprehensive study of language in translations of fiction from Tatar into Turkish. The transmission of national and cultural specificity of the source text is one of the focus areas in modern translation studies. By means of translations we gain access to systems of other cultural meanings, which acquire their own interpretation thanks to the efforts of a translator.

The study of language transformations is also considered important for determining language identity and originality of the Tatar literary language. There are characteristics inherent only in this language that cannot be conveyed in translation, even when it comes to related languages. Therefore, interpreters are forced to use transformations [Zamaletdinov].

Literary translation is a means of interactions of world literatures. Reaching as far back into its history as a millennium ago, Tatar literature has been enriched due to translations of other literatures. Until the last quarter of the 19th century these were mainly classical works of the eastern authors that had been translated into the Tatar language from Arabic, Persian and Turkish. In subsequent years, Russian and European literature gradually ousted such works to a certain extent. However, Tatar publishers began to actively print poems and fables, stories and dramas of Russian contemporaries at the end of the 19th century [Khamidullin].

At the end of the 19th century the concept of "Tatar literature" was often used by the population of Russia and Western Europe. Many translations of medieval oriental literature were presented as Tatar at that time. Indeed, only a small part of them was Tatar from the modern point of view. However, there were also samples of Central Asian literature.

We know that in the early twentieth century England learnt about the tragic but successful creative fate of the Tatar poet Gabdulla Tukay. In 1914, the journal "The Russian Review", issued in London, published a brief item about him and the English translation of his poem "Пяп ар" ("On a Horse-Drawn Cart"). We have found that the management of the Tatar Department of the International Society of Writers of the Tatarstan Union of Writers sought to develop their activities in this direction. They managed to have the poem "Shurale" translated into English and a collection of Tukay's poems was published in both Russian and English.

Tukay's poems circulated in the Middle East even before the revolution. They were published in Western China in Uyghur, in the cities of Central Asia in Uzbek and Kazakh, and in the periodicals of Tiflis and Baku in the Azerbaijan language. In the 1910s and 1920s some of Tukay's poems were published in the Turkish language. Besides, the Turkish scientist Fuad Kuprulu published an extensive article about Tukay's work in the journal "Türk Yurdu" ("Turkish flashpoint") [Ibid.].

Since that time the works of Tatar writers have been actively translated into different languages

(the languages of the peoples of the USSR). In recent years, the whole generation of interpreters (Magdeeva-Khasanova G., Gazizov L., Kraeva N., Khamidullin B., etc.) have popularized Tatar prose and poetry in the Russian language. For more than ten years the Turkish literature has been in the focus of our attention. Translations of Tatar poetry and prose into the Turkish language have been published along with translations of Turkish literature. These translations refer us to such names as Chulpan Zaripova and Fatih Kutlu. The latter has already published the works of the national writer of Tatarstan Ayaz Gilyazov and other authors in his homeland. Gilyazov's story "Three Acres of Land" received a prestigious literary award in Turkey.

In this respect the study of language transformation features found in translations of Tatar literature into the Turkish language is especially interesting. The methods of translation of certain lexical units and phrases, grammatical forms and constructions from the Tatar language into Turkish are considered to be particularly worth scrutinizing. This seems even more remarkable since these languages are related and belong to the same group of Turkic languages.

For many centuries Turkic literature was easy to comprehend for its readers and did not require translation into any language. We are often told that translation transformations are redundant given the similarities between the Tatar and Turkish languages. However, the study of the source and target texts of translations has contributed to the identification of language features that are specific only to the Tatar language, which proves its uniqueness and originality. Despite the similarity of languages and the presence of lexical and formal equivalents, translators do not always resort to them, but rather use a variety of lexical and grammatical transformations [Zamaletdinov].

The article deals with grammatical transformations in translations of modern Tatar prose into Turkish. The translation analyses show that morphological transformations, mostly expressed by categorical transformations, occur in translations more frequently. Such transformations are sufficient and do not cause any serious changes in the content of the source text. They are the most "imperceptible" for a translator as they are implemented directly and naturally. [Khabibullina, Zameny kak grammaticheskie transformatsii...].

When it comes to specific types of categorical-morphological transformations, it should be noted that they are fairly varied: there are virtually all

combinations of “substituted” and “substituting” parts of speech [Khabibullina, Osobennosti grammaticheskikh transformatsii...].

The transformations that take place at the level of parts of speech, can be defined as categorial-morphological transformations, since parts of speech belong to the main morphological categories. Transformations of this type are widely used in translation, their key feature being the slight effect they have on the content of the translated text. That is, they do not entail significant losses or modifications of the content. The features of grammatical substitutions are analyzed below.

Substitution is one of the most common types of grammatical transformations that we have identified while analyzing translations of modern Tatar literature into the Turkish language. Most likely, this is due to the fact that Tatar and Turkish are cognate languages, which allows the alternation of synonymous grammatical categories without any negative impact on the semantic meaning. Despite the fact that these languages are related, grammatical substitution is inevitable in some cases, as certain grammatical categories of the Tatar language markedly differ from grammatical categories of the Turkish language.

Substitutions can be figuratively divided into substitutions at the level of nominal and verbal parts of speech. As for the nominal substitutions, these include the replacement of noun case forms, the loss or addition of affixes that denote possession and plurality, the transformation of pronouns, the replacement of one personal pronoun with another, the replacement of adjectives with nouns or adverbs, etc. Some of these transformations are considered below.

The studies of the case categories in Turkic languages have a long history. The first grammars of Turkic languages, including the Tatar language, were written by Arab scholars and Western European missionaries, who relied on the patterns of Arabic or European languages. In many cases researchers singled out the cases fitting the patterns of Turkic languages discarding everything foreign [Ganeev, p. 17].

Cases were mentioned under various names as early as in the first grammars published in Russian. Such researchers as Giganov I., Khalfin I., and Troyansky A. pointed out the presence of certain analytical cases in the Tatar language besides synthetic ones. Ivanov M. and Kazem-Bek M. identified only synthetic cases. There are only six synthetic cases in the grammars published in the post-revolutionary period. School grammars have six

traditional cases [Ibid., p. 18]. In contrast to the traditional approach, Kaum Nasyri added an analytical case to six synthetic cases in his grammars [Nasyri]: noun with a zero affix + the postposition *белән* (with). This classification echoes the classification of the case system in the Turkish language. The only difference is that the analytical case, proposed by Nasyri in the Turkish language, has both an analytical form with the postposition *ile*, and a synthetic form with the affix *-yla/-yle*.

The exception is the works of Zakiev M. Z., who does not adhere to the dogmatic patterns. He has come to the conclusion that the Tatar language is of multicase nature. In his opinion, the number of cases reaches eleven in the Tatar language [Zakiev].

Ganeev F. A. [Ganeev, p. 21] identifies ten synthetic cases. His classification differs from the regular case system in differentiating the accusative case into the definite and indefinite ones and identifying two locative-tensed cases (with the affixes *-да/-дә* and affixes *-дагы/-дәге*). In addition, Ganeev proposed to include the assimilative (*-дай/-дәй*), abessive (*-сыз/-сез*), and possessive (*-лы/-ле*) cases into the case system. In modern linguistics the last three forms are considered to be derivational affixes.

In Tatar linguistics, Ganeev [Ganeev, p. 26] adds analytical cases to synthetic cases; these are cases where the meaning is expressed not only with the help of the affix, but also with the help of functional words. Giganov I., Khalfin I., Troyansky A. and Ivanov M. were the first to draw attention to this phenomenon in their grammars. They considered the combination of nouns with a zero affix followed by postpositions to be case forms. In the Soviet period this feature, singled out by the above-mentioned Turkologists, was observed by Vassily Bogoroditskii. He noted that Tatar cases are expressed by either endings or postpositions, which correspond to Russian prepositions [Bogoroditskii, p. 147]. Ganeev [Ganeev, p. 26] identifies eight analytical cases. He notes that each of them performs polysemantic functions.

The grammars of the Turkish language present various explanations regarding the number of case forms. Thus, Ergin M. [Ergin, p. 215–230] identifies nine synthetic case forms, six of which coincide with the regular system of cases in the Tatar language. Ten synthetic case forms are described in Banguoglu’s grammar [Banguoglu, pp. 326–331].

Taking into account the above-mentioned information about the case systems of the Tatar and

Turkish languages, we can conclude that the case system of the Turkish language is close to the case system of the Tatar language. In this case, no language transformations at the level of the case system seem to be necessary in translations of Tatar literature into Turkish. However, our analysis of translated texts has shown that the replacement of one case form with another occurs in the course of translation. Most frequently this is due to the fact that the verb government in the Tatar language does not always coincide with the Turkish one. Some specific examples are presented below.

- *Дәрес, без мәдрәсәгә бер вакытта жыелабыз, бер вакытта таралабыз...*(M) [Eniki, p. 214] / *Doğru medresede aynı vakitte toplanıyor aynı vakitedağılıyoruz...* (G) [Vasiyet, p. 44] / (It is true, we meet in the madrasah and leave it at the same time).

The example above illustrates that the affix of the dative case *-ga/-gә* used in the word *мәдрәсәгә* (in the madrasah) has been replaced by the affix of the locative-tensed case *-da/-de*: *medresede* in the Turkish sentence. Such difference is due to the fact that the verb *жыелырга/toplanmak* (to meet) in this sentence may have two government options (where to go? where to meet?). The author of the source text used the first variant, but in translation there is the second variant. Both variants do not impede the transmission of the text semantics.

- *Ике шәкертнең берсе шигырь яза* (M) [Eniki, p. 216] / *İki şekirtten biri şiir yazıyordu* (G) [Vasiyet, p. 46] / (Every second student writes poetry).

This example demonstrates that the affix of the genitive case is used to express a part of the whole in the Tatar language: *ике шәкертнең берсе* (one of the two students). The affix of the nominative case is used in the Turkish language: *iki şekirtten biri*, which in its turn leads to this morphological transformation.

The locative-tensed case is used to convey the meaning of traveling by means of any transport in the Tatar language, while in the Turkish language the ablative case is used to convey the same meaning. The following example illustrates this morphological transformation: *тарантасга/at arabasıyla* (on a (horse) cart).

- *...без бит әле өчәүләшен читән тарантасга хозур гына авылыбызга кайтын барабыз* (M) [Eniki, p. 216] / *Üçümüz at arabasıyla neşe içinde köyümüze gidiyorduk* (G) [Vasiyet, p. 46] / (The three of us on a cart are going to the village).

As mentioned above, sometimes the verb government in the Tatar language does not correspond to the Turkish one, thus, the translator is forced to resort to grammatical substitutions. The example below demonstrates that the verb *ошапга* (to like) agrees with the noun in the nominative case in the Tatar language, whereas the verb *hoşlanmak* (to like) agrees with the noun in the ablative case in the Turkish language:

- *Нуриәхмәт хәзрәткә бу ошамады* (СК) [Mөkhəmmədiev, p. 20] / *Nuriehmet Hezret bundan hoşlanmadı* (SK) [Mөkhəmmədiev, p. 14] / (Nuriakhmet Hazrat did not like it).

- *Шул галәм, шул табигать кочагында яшәүче кешелек жәмгыяте һәм кешеләр үзләре дә шул дәрәжәдә үк камил түгел икән?!* (СК) [Mөkhəmmədiev, p. 47] / *Şu kainatın, şu tabiatın kucağında yaşayan insanlık cemiyeti ve bizzat insanlar niçin bu kadar mükemmel değil ki?*(SK) [Muhammedi, p. 35] (And why is that humanity, and the people themselves, living in this world, in this Universe are not perfect?!).

The phrase *табигать кочагында* – *tabiatın kucağında* (in the arms of nature) has the affix of the genitive case in the translation of the word *табигать*, thus, an indefinite *ezafe* in the source text is converted to its definite type.

- *Ә шулай да жанында тыңгылык юк Мирсәетнең...*(СК) [Mөkhəmmədiev, p. 47] / *Yine de gönli rahat değil Sultangaliyev'in...* (SK) [Mөkhəmmədiev, p. 35] / (And yet there is no peace in Mirsait's soul).

The sentence above is an example of the replacement of the locative-tensed case with the nominative case: *Мирсәетнең жанында* (in Mirsait's soul) – *Sultangaliyev'in gönli* (the soul of Mirsait). This transformation is due to the fact that the subject of the sentence has been replaced.

Thus, grammatical substitution at the level of case forms is a fairly common phenomenon in the translation process from Tatar into Turkish. This replacement is most frequently due to different forms of verb government in these languages.

As mentioned above, sometimes postpositions can specify the grammatical relation expressed by the indirect case. This is the affixal-postpositional case form with analytical-synthetic affixes. One of our objectives is to show how such case forms are transformed in translations into Turkish. The examples are presented below:

1. One of the most common forms of Tatar cases found in our translation analyses is the form with the postposition *белән* (with). It is formed by combining the noun in the nominative case with

the postposition (with) to express consistency or instrumental value. This form is presented synthetically in the Turkish language since the postposition *белән* historically moved into the affix category and acquired the form *-yla/-yle*, maintaining the same meanings as in the Tatar language.

- *Тизрэк, тизрэк Шәмсегаян белән сөйләшергә кирәк!..(ӨАЖ)* [Giylecev, 2004, p. 155] / *Hemen acele Şemsigayan'la konuşması lazımdı* (BAT) [Giylecev. Biravuçtoprak, p. 35] / (It is necessary to speak with Shamsigayan immediately).

The postposition *белән* has the meaning of compatibility: *Шәмсегаян белән* (with Shamsigayan), and it acquires a synthetic form in translation: *Şemsigayan'la*.

- *Госман белән Самат – күршеләр* (Телефонлы) [Gyimadiev, p. 48] / *Gosman'la Samat birbiriyle komşular* (Telefonlu) [AltınSınca, p. 178] / (Gosman and Samat are neighbors).

The postposition *белән* has the meaning of the conjunction “and” in this example: *Госман белән Самат* – Gosman and Samat. In the target text the affix *-la* is used.

It should be noted that in Turkish there is the analytical form of the cooperative case formed with the help of the postposition *ile* (with). However, we have not found such cases while analyzing translations.

The analysis shows that Tatar case forms, used with the addition of certain postpositions, have the similar construction in Turkish.

2. The expression of cause or purpose. This form is created by transforming a noun in the nominative case + the postposition *өчен* (for). It expresses the meaning of purpose, cause, or intention. This form is quite frequent as our analyses show.

- ... *чөнки аның үз кулы белән ясаган каеш тупсалы, әржә сыман сандыгында мәдрәсә өчен кирәк бөтен нәрсәсә <...> саклана торган иде... (М)* [Eniki, p. 215] / *Çünkü Bedrettin'in kendi eliyle yaptıği kayış mafsalı, küfe gibi sandığıında medrese yaşanı için lazım her şeyi <...> bulunuyordu... (G)* [Vasiyet, p. 45] / (...because in the chest, made by his hands, which was similar to the box with leather handles, he kept everything that might be needed for a student's life...).

This example illustrates that the word combination *мәдрәсә өчен* (for a madrasah life) retains its analytical form in translation, but the noun *мәдрәсә* (madrasah) is transformed into a noun phrase *medrese yaşanı*+ the postposition *için*

(a madrasah life), which is translated as “for the life of the madrasah”. However, it is necessary to note that in the Tatar language the phrase is supposed to mean “for the life in the madrasah”.

3. To express assimilation and comparison with a noun in the nominative case the postpositions *кебек, шикелле, кадәр, төсле, сыман, хәтле, чаклы*, etc. are used. They express the idea of becoming like someone or something. This form is considered analytical in translations into Turkish when the postpositions *gibi, kadar*, etc. can be actively used. In this case the analytical form is used: *әржә сыман / küfe gibi* (similar to the box). In translation the analytical form is preserved. It is important to note that in the Tatar language the synthetic form of the assimilative-comparative case is expressed with the help of affixes *-дай/-дәй/-май/-мәй*. However, in the Turkish language there is only the analytical form:

- ... *аның бөдрәләнен торган йомишак чәчләрен балавыздай сары битләренә сибен-сибен куйды (ЖКК)* [Giylecev, 1982, p. 216] / ... *dalgalı yumuşak saçlarını balmumu gibi sararmış yüzüne yayıverdi* (CGA) [Giylecev. Cuma günü, akşam, p. 33] / (...curly hair was blown over her wax-like face).

The given example demonstrates a synthetic form of the assimilative case expressed by the affix *-дай*: *балавыздай* (wax-like), but is transformed into an analytical form expressed by a noun *balmumu* (wax) + the postposition *gibi* (like).

4. The use of the postpositions *турында, хакында* (about). This form is made up by transforming a noun in the nominative case and the above-mentioned postpositions. It expresses a subject matter of conversations, reflections, or concerns. These constructions are translated into Turkish using an analytical form with the postposition *hakkında*. However, there are also other types of transformations that some examples illustrate.

- Сүз *Гаспралы Исмагыйль турында түгел бит әле* (СК) [Mөkhəmmədiev, p. 8]. *Mesele Gaspıralı değil şimdi* (SK) [Muhammedi, p. 4]. (This is not about Ismail Gasprinsky).

In this example, the construction of *Гаспралы Исмагыйль турында* (about Ismail Gasprinsky) is formed by a noun and a postposition. When translated using syntactic transformation, it acquires the form *Mesele Gaspıralı değil* (The theme is not Gasprinsky). In the process of this transformation the object of the original text is replaced with a nominal predicate. This substitution is not mandatory and is rather a personal choice of the translator.

5. The use of postpositions, indicating location. This form is formed by the combination of a noun in the nominative case + a postposition or postpositional words (*арасында, астында, etc.*). It is used to describe an object on the surface, along, near or below which something is found or something is happening.

When translated into Turkish, these constructions retain their analytical form, however, the Turkish noun takes the affix of the genitive case - *arazlarэн arasнда* (among the trees), since post-words, expressing the meaning of the locative, ablative, and dative case, agree with nouns in the genitive case coming before them:

- *гүяки, бу агачлар арасында, үләннәр урынына, кәгазьгә төрелгән халда башлы шикәрләр үсеп утыралар...* (Сәмиг) [Өмирхан, p. 307]. *Güya bu ağaçların arasında, otlar yerine, kağıda sarılmış halde küp şekerler büyüymüş* (Semig) [Vasiyet, p. 119] (... as if lumps of sugar wrapped in paper are growing among these trees instead of grass).

6. The use of postpositions, expressing the ablative case. This form is expressed by the combination of a noun in the nominative case + post-words *астынан, өстенән, etc.* Such analytical forms are translated into Turkish by analogy with the above-mentioned form:

- ... *тау артынан сызылып килгән таң белән бергә, авылдан киң яланга чыктык* (ТБ) [Ibrahimov, p. 1]. ... *dağın arkasından doğan tanla birlikte köyden geniş kırlara doğru açıldı* (KÇ) [Altın Sincap, p. 128]. (We went out into a wide glade along with the sun that had risen from behind the mountain).

In this sentence, in the process of translation the construction *тау артынан* (from behind the mountain) was transformed into the following structure: a noun in the genitive case + a post-word: *dağın arkasından*.

7. The use of postpositions, expressing the dative case. This pattern is formed by a combination of a noun in the nominative case and post-words, denoting direction: *өстенә, астына, etc.* The following examples illustrate the transformation of the analytical construct by means of assimilation and adding the genitive affix to a noun.

- ... *ак әбиләр тау-сырт өстенә жыелып Коръән чыга икән дигән хәбәрдән Дүсем авылы тынып калды* (АӘД) [Iakhin, p. 3]. *Köydeki mübarek ninelerin tepenin başına toplanıp yüksek sesle Kur'an okumaya başladığı haberi Düsüm Köyü'nü hayretler içinde bıraktı* (EDDBV) [Vasiyet, p. 139]. (The news that devout old wom-

en would gather at the top of the mountain and read the Koran aloud surprised all residents from the village of Dusem).

In the above sentence it is clearly seen that the construction *тау-сырт өстенә* (to the mountain-side) is translated as *tepenin başına* (on the top of the mountain).

In some cases the translation undergoes even wider transformations and some words are added. In the sentence below, the word combination *кәжәбез янына* (to our goat) is translated as *keçimizin olduğu yere* (to the place where the goat is staying).

- *Менә кичен миңа иярерсең, туп-туры кәжәбез янына алып барам үзеңне!* (Телефонлы) [Gyimadiev, p. 51]. *Ben seni doğruca keçimizin olduğu yere götürerim (Telefonlu)* [Altın Sincap, p. 179]. (Here you go in the evening with me, I will lead you straight to our goat!).

Sometimes analytical constructions are transformed into synthetic case forms, sometimes even into another case. In the following sentence the construct that expresses the meaning of direction, *ил өстенә* (to the country) is translated as *ülkede* (in the country). This transformation results from splitting a compound sentence into simple ones in the process of translation.

- *Ил өстенә ачлык куркынычы төшеп, көнәрнең яме бозылды* (АӘД) [Iakhin, p. 1]. *Ülkede açlık tehlikesi başgösterdi. Günlerin tadı tuzu kalmadı* (EDDBV) [Altın Sincap, p. 137]. (A threat of famine loomed over the country, the joy of the days had evaporated).

8. The use of postpositions expressing cause. Such analytical constructs have turned out to be the least active. No such constructions were found in the process of analyses of the original texts and their translations.

We have analyzed grammatical substitutions at the level of nominative case forms in Turkish. It shows that, generally, case forms of both the source and target texts are the same in both languages, except for the cases when the verb government is different. In the process of translation analytical constructs using postpositions are transformed by means of assimilation with only a few exceptions (when affixes and lexemes are added). In some cases substitutions that occur are simply the choice of the translator, who chooses a different way of interpreting the meaning.

In the Tatar language, the category of number indicates singularity or an indefinite number of objects and has either a singular or plural form.

While analyzing translations of fiction from Tatar into Turkish, we have identified grammatical substitutions at the level of the noun number. For example:

- ... *бик күн жирләргә агач утыртты* (ЖКК) [Gyläjev, 1982, p. 212]. ...*pek çok yere ağaç diktirdi* (CGA) [Giyilecev. Cuma..., p. 27]. (He planted many trees in many places).

The word *жирләргә* (in places), used in the plural in the original text, is translated by the singular: *yere*. It is also worth noting here that the noun number can be expressed analytically: plurality is expressed with the help of the lexeme *çok* (many), as the plural form agreement is not characteristic of the Turkish language, hence the loss of the plural affix in translation.

In the following example the Tatar word has the plural affix in the lexeme *tuylar* (weddings). However, this means not multiple weddings, but a single one, which is very long and lasts for several days according to Tatar traditions. Therefore, when translated into Turkish, the plural affix is not used, since its use would alter the meaning.

- *Туylар булды...* (Сәмиг) [Әmirkhan, p. 298]. *Düğün oldu...* (Semig) [Vasiyet, p. 112]. (The wedding was over).

Sometimes in translations the transformation of the plural form into the singular one is due to certain stylistic features of a particular lexeme use. For example:

- ...*офыклар* киңәп, ераккарак киттеләр (ӨАЖ) [Gyläjev, 2004, p. 181]. ...*ufuk* азәлдә, *iyice geniş bir alana yayıldı* (БАТ) [Giyilecev. Bir..., p. 67]. (The horizon widened).

The lexeme *офыклар* (horizon) is given in the plural form in the source text but is translated in the singular: *ufuk*. It is known that in the Tatar language the names of unique objects are used in the singular form [Tatarskaia grammatika, p. 39]. The use of this word in the plural form in the original text is the author's stylistic device. In the Turkish language, the use of this lexeme in the plural form is stylistically unacceptable, hence such a transformation.

In most cases the singular or plural form of a noun is preserved in translations. For example, it is known that the plural form is used to refer to a person as a typical representative of a group of people with certain qualities and abilities [Ibid., p. 40].

- *Госманнарның авылы тау астында урнашкан* (Телефонлы) [Gyimadiev, p. 47]. *Gosmanların köyü tepenin eteğindedi* (Telefonlu

[Altın Sincap, p. 177]. (Gosman's village was located at the foot of the mountain).

This example illustrates how such stylistic use of the plural affix is preserved in translation. This is due to the fact that the Tatar and the Turkish languages are closely related and the majority of grammatical categories are functionally similar.

There are cases when the plural affix is absent in the Tatar language and is added in translation.

- *Бәдретдин кешегә бер дә йөк булырга яратмый иде* (М) [Eniki, p. 216]. *Bedrettin insanlara yük olmayı hiç sevmezdi* (G) [Vasiyet, p. 44]. (Badretdin never liked to be a burden for anyone).

The lexeme *кешегә* (to man) acquires the plural affix in the translated text: *insanlara* (people). This transformation can be explained by the fact that in the original text this word has a more specific meaning "for anyone" and is used in the singular form, while the plural affix, used in translation, conveys the meaning "all people", which implies a certain group of people.

However, the transformations of the singular form into the plural one and vice versa in translations do not always have a logical explanation. Sometimes, these are translation errors, and the loss of the plural affix or its addition in the process of translation changes the meaning of the text:

- ... *күрше районнан да машина-машина бетон плиталар килде...* (ЖКК) [Gyläjev, 1982, p. 212]. ... *komşu ilçelerden kaç araba hazır beton duvarlar getirtti* (CGA) [Giyilecev. Cuma..., p. 28]. (Concrete slabs were brought from the neighboring region by trucks).

In the above example the plural affix is not found in the original text and is added during the translation: *күрше районнан / komşu ilçelerden* (from the neighboring region / from the neighboring regions). As a result, the meaning of the original text is distorted. In the original text "concrete slabs were brought from the neighboring region", while in the translated variant "concrete slabs were brought from the neighboring regions".

Summing up, we would like to point out that in most translations of Tatar prose into Turkish the category of number retains its original form due to both grammatical indicators and lexical meanings being similar; in other words, translational assimilation occurs. However, the examples above show that some cases are those of substitution. In some cases the plural affix is omitted, in others it is added. In most cases such substitutions occur due to the difference in the interpretation of the stylistic meanings, or the translator's individual style. It is

also worth noting that in rare cases such substitutions entail translation errors.

In Turkic languages, including Tatar, possession is expressed by adding the possessive affix. The main meaning of this category is possession. The affixes of this category express the belonging of an object to a person, while both the object of possession and its owner are indicated [Tatarskaia grammatika, p. 31].

In both Tatar and Turkish, the possessive category of nouns is represented by the forms of the first, second and third person, each in the singular and plural forms. As for the grammatical indicators of this category, it is clear that both languages are similar, apart from some phonetic alternations.

- ... *без өч шәкерт, бер атка утырып, Өяз мәдрәсәсеннән авылыбызга кайтырга чыктык* (M) [Eniki, p. 214]. *Biz üç şakirt bir ata binip ilçе medresesinden köyümüze doğru yola çıktık* (G) [Vasiyet, p. 44]. (We, three shakirds, having mounted one horse, headed from the regional madrasah to our village).

In the above example the words *авылыбызга /köyümüze* (to our village) are equivalent in terms of all grammatical indicators. The possessive endings in the phrases *өяз мәдрәсәсеннән / ilçе medresesinden* (from the regional madrasah) participate in the formation of noun phrases, while their grammatical indicators and lexical meanings are absolutely the same.

In some cases stylistic meanings are equivalent in both languages when possessive affixes are used. Consider the following sentence:

- *Булды, улым* (M) [Eniki, p. 220]. *Hazır oğlum*. (G) [Vasiyet, p. 50]. (Done, son) – the first person possessive affix of the singular form in the word *улым / oğlum* (my son = sonny) does not express pure possession. In this case it only adds a certain emotional coloring to the words.

While analyzing translations, we found grammatical substitutions at the level of affixes despite the similar use of this category in both languages. Consider the following examples:

- *Һәрбер шәкерт төпләп алган калын дәфтәрәнә жырып күчәрә...* (M) [Eniki, p. 216]. *Her bir şakirt kapladığı kalın deftere şarkı sözlerini, şiirleri geçiriyor...* (G) [Vasiyet, p. 46]. (Each student copied out the song lyrics into a bound notebook).

In this example the word *дәфтәрәнә* (in their notebook) is used with the third-person singular possessive affixation in the original text, which is omitted in the translation version: *deftere* (in the notebook). Along with the omission of the affix,

the meaning of possession is also lost, which can be considered a translational inaccuracy.

Sometimes, when the possessive affix is lost the lexical meaning is compensated by other grammatical indicators.

- ... *алла үз сүзеннән үзе өрөктеме...* (AӨД) [Iakhin, p. 4]. ...*yoksa söylediği sözden kendisi mi korkmuştu...* (EDDBV) [Vasiyet, p. 139]. (Or he himself was frightened by his own words).

In the original text the word *сүзеннән* (by his own words) has the third person singular affix in its structure. This affix is missing in translation: *sözden*. However, the very meaning of possession is compensated by the previous word *söylediği* (spoken by him), expressed by the participle. Thus, despite the omission of the affix, another word takes on its semantic load, which contributes to the preservation of the original meaning.

In a number of sentences the opposite phenomenon occurs: the possessive affix is added in the course of translation. In the following compound sentence, which consists of three simple ones, the translator added the category of possession to each of the simple sentences:

- *Аңар бар да ак булсын, бар да пак булсын, бар да ялтырап торсын* (ТБ) [Ibrahimov, p. 6]. *Onun her şeyi ak olsun, her şeyi pak olsun, her şeyi parlayıp dursun* (KÇ) [Altın Sincap, p. 128]. (And for her everything should be in white, everything should be clean, everything should sparkle).

In this sentence the lexeme *бар да* (everything) is repeated three times, but in the translated text it is transformed into the lexeme *her şey* (all). In the target text this lexeme has the possessive affix of the third person singular *her şeyi* (all her).

In the following sentence we observe the similar phenomenon that can be attributed to the stylistic features of the Turkish language:

- ...*биттән, муеннан, аркалардан тир ага, күлмәкләр тәнгә ябышты* (ТБ) [Ibrahimov, p. 6]. *Yüzümüzden, boynumuzdan, sırtımızdan ter akıyor; elbiselerimiz tenlerimize yapıştı* (KÇ) [Altın Sincap, p. 128]. (... sweat was running from his face, neck, and back, the shirt sticking to his body).

In the translated sentence the addition of the possessive affix can be explained by stylistic reasons, as in Turkish it is stylistically obligatory that the vocabulary, denoting body parts (as well as a number of other groups), requires specification of the object to which they belong.

In some cases analytical indicators of the noun category are replaced with synthetic ones in translation:

- *Аңа күтәрепел карагач та, минем йөрәк әллә нишләп китте* (M) [Eniki, p. 220]. *Она şöyle bir bakınca yüreğim bir hoş oldu* (G) [Vasiyet, p. 51]. (When I looked at her, my heart skipped a beat).

In the above example we see that in the original text the word combination *минем йөрәк* (my heart) expresses the meaning of possession analytically with the help of the pronoun *минем* (my, mine). In the translated variant the meaning of possession is expressed synthetically: *yüreğim*. This method is not mandatory and is simply the preference of the translator.

We should note that in translations from Tatar into Turkish the possessive category of nouns in most cases has equivalents both in terms of grammar and in terms of semantic and stylistic meanings.

The degrees of comparison of adjectives in the Tatar language express differences in the degree of manifestation of the same attribute in different objects and persons. This category is conveyed by special grammatical and lexical means.

The comparative degree of adjectives and adverbs denotes a greater intensity of this or that feature of an object in comparison with the same features of other objects [Tatarskaia grammatika, p. 31]. In the Tatar language, the comparative degree has its grammatical index - the affix *-рак / -рәк*.

In Turkish, the comparative degree of adjectives and adverbs is expressed analytically with the help of the auxiliary word *daha* (more). The absence of adjectival and adverbial grammatical indicators (affixes) of the comparative degree in Turkish gives rise to the following word-formative transformation when a synthetic (affixal) form is replaced with an analytical one:

- *Һәм аны да Казанда яисә Уфада түгел, ераграк шәһәрдә, әйтик Питерда уздырырга дигән ният була* (СК) [Mөkhəmmədiev, p. 243]. *Ve bu kurultayı da Kazan'da, Ufa'da veya Moskova'da değil daha uzak şehirde, mesela Petersburg'da yarmak düşünülür* (SK) [Muhammedi, p. 203]. (And there is an intention to hold it not in Kazan or Ufa, but in a more distant city, say, in St. Petersburg).

In the source text this sentence has the word *ераграк* (farther), which is formed by adding the comparative degree affix *-рак* to the stem of the adjective *ерак* (far). In the target text the auxiliary word *daha* (more) takes on this function: *daha*

uzak (more distant). Thus, the synthetic form that expresses the comparative degree of adjectives in the Tatar language is always replaced with the abovementioned analytical form when translated into Turkish.

In some cases the affix *-рак / -рәк* can be used to express a lower intensity of the feature manifestation. The similar use of this affix is possible when it is added to other parts of speech, such as adverbs. When such lexemes with a comparative degree are translated, various transformations can occur in the Turkish language. For example, in some cases the comparative affix of the Tatar version is replaced by the derivational affix in the target text:

- *Бүген көтү, ни сәбәптәндер, иртәрәк кайтты* (АӘД) [Iakhin, p. 2]. *Sürü bügün nedense erkence döndü* (EDDBV) [Altın Sıncap, p. 139]. (Today, for some reason, the cattle have returned from the pasture earlier).

In this translation the affix *-рәк: иртәрәк* (earlier) was replaced with the derivational affix *-ce: erkence* (too early), which expresses a lower intensity of the feature manifestation.

In some cases the comparative degree affix is simply omitted in the process of translation.

- *Мирвәли идәнне шыгырдатмаска тырышып саграк атлый башлады* (ӨАЖ) [Gyüləjev, 2004, p. 157]. *Mirveli zemini gıcırdatmamaya çalışarak adımlarını dikkatli atmaya başladı* (BAT) [Giylecev. Bir., p. 37]. (Mirvali began walking more carefully, so that the floorboards would not creak).

When comparative adjectives and some adverbs with the comparative degree affix are translated, the affix *-рак / -рәк* is often replaced with an analytical form and the auxiliary word *daha* is used. In certain cases an inflectional affix is substituted with a derivational one, which is close in its lexical meaning. The omission of this affix in translation is least likely.

Another large group of substitutions is the substitution at the level of verb categories. Let us consider some examples of the most common morphological substitutions in translations of Tatar prose into Turkish.

- *...ә Бәдретдинне юл өстендәге Ишле авылында калдырып китергә тиешбез* (M) [Eniki, p. 214]. *Bedrettin'i ise yol üstündeki İşli köyüne bırakacaktık*. (G) [Vasiyet, p. 44]. (And we should give Badredin a lift to the village of Ischle, located along the road).

In this sentence a complex verb tense in Turkish substitutes the category of obligation in the

original text. Despite the difference in their grammatical structure, both forms have the same semantic meaning in terms of style: *калдырып кутергә тиешбез* (would be bringing) and *биракакатик* (were going to bring).

- *Тагын шунысы да кызык, никадәр генә ярлы булмасын...* (M) [Eniki, p. 215]. *Şu da ilginçtir ki o kadar fakir olmasına rağmen...* (G) [Vasiyet, p. 45]. (It is also interesting that no matter how poor he might be...).

In this sentence the negative form of the conditional *никадәр генә ярлы булмасын* (no matter how poor he might be) is translated using the form of *o kadar fakir olmasına rağmen* (despite the fact that he was so poor) in order to transfer the correct lexical meaning.

Of interest are the examples when the conditional mood is used in the original text. Consider the sentence below, where the conditional mood of *чәйгә утырсаң* (if you sit down to have tea) is translated using the participle *çaya oturunca* (having sat down to have tea).

- *Чәйгә утырсаң, исең кутәр...* (ТБ) [Ibrahimov, p. 2]. *Çaya oturunca aklın gider* (КÇ) [Altın Sincap, p. 128]. (If you sit down to table to have tea, you wonder ...).

Sometimes there is a substitution of one verb with another. When such substitutions are accompanied by the replacement of objects and subjects of the action, they are considered logical transformations.

- *Бу инде эсселек жиңә башлаган дигән сүз була* (ТБ) [Ibrahimov, p. 3]. *Ви, artık sıcağa yenilmeye başladık demektir...* (КÇ) [Altın Sincap, p. 129]. (This already meant that the heat was overwhelming).

The original text says *эсселек жиңә башлаган* (the heat was winning), whereas in translation it is *sıcağa yenilmeye başladık* (we surrendered to the heat). There is a subject of the action and a predicate in the original text, while in translation the subject is replaced with an object of the action, and the predicate is given in the passive voice.

- *Соңгы елларда Зәйдә ГРЭС салдылар* (ЖКК) [Gyiləjev, 1982, p. 216]. *Son yıllarda Zey'e hidroelektrik santrali kuruldu* (CGA) [Giylecev. Cuma..., p. 26]. (In recent years a power station has been built in Zainsk).

In the process of translation the indefinite personal sentence from the source text was transformed into the impersonal one, while the verb *салдылар* (have built) has the affix of the passive voice *kuruldu* (has been built) in the target text.

- *Муенындагы кан тамырлары бүртеп чыкты атаның, колаклары кызыша башлады* (СК) [Mökhəmmədiev, p. 18]. *Boynundaki kan damarları şişer babanın, kulakları tutuşur* (SK) [Muhammedi, p. 12]. (His neck veins swelled, and his ears started burning).

In the source text the predicates of the compound sentence are represented by the definite past tense: *бүртеп чыкты* (swelled), *кызыша башлады* (started burning). In the target text the conjugation of the predicates was transformed into the present-future tense: *şişer* и *tutuşur*.

- *Их, ничек кенә аңлатырга соң боларны әнисенә* (СК) [Mökhəmmədiev, p. 31]. *Nasil anlatmalı bunları annesine* (SK) [Muhammedi, p. 21]. (Eh, how can I explain all this to my mother).

The predicate in this sentence is represented by the infinitive: *аңлатырга*. In the translated text the grammatical form of the predicate was transformed by replacing it with the category of obligation *anlatmalı* (should explain).

Thus, we can state that in translations of Tatar prose into Turkish substitutions at the level of grammatical categories are a fairly common phenomenon. In most cases these occur due to the fact that certain forms possess certain stylistic features; another reason is the desire of the translator to use a particular category. Substitutions of grammatical categories are widespread at the level of both nominal and verbal parts of speech. Overall, the use of such substitutions does not breach the semantic integrity of the original text.

Abbreviations

In Tatar:

АӘД - Ак әбиләр догасы
ЖКК - Жомга көн кич белән (Гыйләжев А.)
М - Матурлык
ӨАЖ - Өч аршин жир (Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр)
Сәмиг - Сәмигулла абзый
СК - Сират күпере
ТБ - Табигать балалары
Телефонлы - Телефонлы кәжә

In Turkish:

G - Güzellik
SK - Sirat Köprü
BAT - Bir Avuç Toprak
Telefonlu - Telefonlu Keçi
CGA - Cuma Gün Akşam
Semig - Semigulla Amca
КÇ - Köy Çocukları
EDDBV - Elbet Duayı Duya Biri Var

References

- Altın Sıncap. (2014). *İlköğretim Öğrencilerine Tatar Çocuk Hikayeleri*. Çeviri: Fatih Kutlu [Tatar Children's Stories for Primary School Students. Translation: Fatih Kutlu.]. 293 p. Ankara. (In Turkish)
- Banguoglu, T. (1998). *Dilbilgisi* [Grammar]. 465 p. Ankara, TDK Yayınları. (In Turkish)
- Bogoroditskii, V. A. (1957). *Vvedenie v tatarskoe iazykoznanie* [Foundations of Tatar Linguistics]. 269 p. Kazan'. (In Russian)
- Eniki, Ə. (1979). *Iulchy: Khikəialər* [The Traveller. Stories]. Pp. 214–224, 267–308. Kazan, Tatar.kit.nəshr. (In Tatar)
- Ergin, M. (1990). *Türk Dilbilgisi* [Turkish Grammar]. 389 p. İstanbul, Cumhuriyet. (In Turkish)
- Ganeev, F. A. (1990). *Voprosy morfologii* [The Issues of Morphology]. 81 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Russian)
- Gıylecev, Ayaz. (2013). *Bir avuç toprak*. Çeviri: Fatih Kutlu [A Handful of Earth. Translation: Fatih Kutlu]. 113 p. Ankara, BENGU matbaası. (In Turkish)
- Gıylecev, Ayaz. (2013). *Cuma günü, akşam*. Çeviri: Fatih Kutlu [Friday Evening. Translation: Fatih Kutlu.]. 202 p. Ankara, BENGU matbaası. (In Turkish)
- Güləjev, A. (2004). *Sailanma əsərlər* [Selected Works]. 511 p. Kazan, Tatarstan Respublikası "Khəter" nəşriyatı (TaRIKh). (In Tatar)
- Güləjev, A. (1982). *Җомга көн, кич белән... Pövest'lar* [Friday Evening... Stories]. 360 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
- Gyimadiev, A. (2013). *Telefonly kəçə* [A Goat with a Phone]. Pp. 48–51. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Iakhin, F. (2000). *Ak əbilər dogasy: Khikəialər, pövest'lar* [Like My Grandma's Prayer: Stories]. 255 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Ibrahimov, G. (2001). *Tabigat' balalary*. Tatar khikəiase antologiyası [Children of Nature. The Anthology of Tatar Music]. Pp. 71–80. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Khabibullina, E. K. (2015). *Osobennosti grammaticheskikh transformatsii pri perevode proizvedenii tatarskoi literatury na turetskii iazyk* [Features of Grammatical Transformations in Translations of Tatar Literature into Turkish]. Prikladnye aspekty sopostavitel'noi lingvistiki: obuchenie inostrannomu iazyku s oporoi na rodnoi iazyk: (materialy II Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf., provodimoi v ramkakh IV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur", pp. 107–110. KFU. Kazan'. (In Russian)
- Khabibullina, E. K. (2015). *Zameny kak grammaticheskie transformatsii, ispol'zuemye pri perevode tatarskoi khudozhestvennoi prozy na turetskii iazyk* [Substitutions as Grammatical Transformations Used in the Translation of Tatar Fictional Prose into Turkish]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. No. 11/2, pp. 265–268. (In Russian)
- Khamidullin, L. *Tatarskaia literatura i problemy perevoda* [Tatar Literature and the Issues of Translation]. URL: <http://idel-journal.ru/ru/about-joomla/item/490-tatarskaya-literatura-i-problemyi-perevoda.html> (accessed: 01.02.2015). (In Russian)
- Muhammedi, Rinat. (1993). *Sirat Köprüsü. Sultan Galiyev*. Çeviri: Mustafa Öner [Sirat Bridge. Sultan Galiyev. Translation: Mustafa Öner]. 444 p. İstanbul, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı. (In Turkish)
- Məkhəmmədiev, R. (1994). *Sirat kypere* [Sirat Bridge]. 512 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Nasyri, K. (1977). *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. 183 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
- Tatarskaia grammatika* (1993) [Tatar Grammar]. T. II. Morfologiya. 397 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian, in Tatar)
- Vasiyet*. Çeviri: Fatih Kutlu (2005) [Testament. Translation: Fatih Kutlu]. 144 p. İzmir, Çağlayan Matbaası. (In Turkish)
- Zakiev, M. Z. (1964). *K voprosu o kategorii padezha v tiurkskikh iazykakh* [On the Issue of the Category of Case in Turkic Languages]. Problemy tiurkologii i istorii vostokovedeniia. Pp. 207–219. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
- Zamaletdinov, R. R. (2004). *Tatarskaia kul'tura v iazykovom soznanii* [Tatar Culture in Language Consciousness]. 239 p. Moscow, Gumanit. izdat. tsentr VLADOS; Kazan', Magarif. (In Russian)
- Əmirkhan, F. (2002). *Sailanma əsərlər* [Selected Works]. Pp. 297–308. Kazan, TaRIKh. (In Tatar)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ КАК ВИД ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Эльмира Камилевна Хабибуллина,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
minabova@mail.ru.

Альфия Шавкетовна Юсупова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
alyusupova@yandex.ru.

Изучение вопросов, посвященных литературным переводам, в особенности языковым преобразованиям, происходящим в процессе перевода художественных произведений с одного языка на другой, представляет собой достаточно актуальную область современного языкознания. В то время, когда речь идет о переводе «с одного языка на другой», в реальном процессе перевода происходит не просто замена лексических и грамматических элементов одного языка эквивалентами другого. Сложный процесс перевода сталкивает между собой культурные аспекты, межличностные отношения, индивидуальное мировоззрение переводчика и самого автора. Особенно интересен вопрос исследования переводческих трансформаций при переводе с одного родственного языка на другой, в частности переводов татарской прозы на турецкий язык. В последние годы количество переводов татарской художественной литературы на турецкий язык неуклонно растет. Так, турецкому читателю были предложены переводы произведений А. Гилязова, А. Еники, Р. Мухаммадиева, Р. Батуллы и др. В рамках данной статьи были предприняты попытки проанализировать грамматические замены как вид переводческих трансформаций в переводах татарской прозы на турецкий язык. Было выявлено, что одной из самых распространенных форм грамматических замен стали замены на уровне падежных форм. Кроме них были выявлены и другие, менее распространенные виды грамматических замен: замена других именных и глагольных форм, форм прилагательных и числительных и т. д. В статье приводятся конкретные примеры грамматических замен в тексте-оригинале и в переводном тексте. Каждый пример сопровождается переводом на русский язык и комментариями.

Ключевые слова: лингвистика, теория и практика перевода, переводческие трансформации, татарская литература, татарский язык, турецкий язык.

Литературный перевод представляет собой многогранную и сложную область человеческой деятельности. В сложном процессе перевода сталкиваются многогранные культуры, разные личности, порою противоположные складывания мировоззрения, разные литературы, различные эпохи, отличные друг от друга, а порою и противоречащие друг другу традиции. Перевод является областью интересов культурологов и психологов, этнографов и историков, литературоведов и лингвистов. Таким образом, разные стороны переводческой деятельности становятся объектом изучения различных наук.

Цель профессионального переводчика – добиться информационной эквивалентности переводного текста тексту-подлиннику, хотя в реальности сама эквивалентность – понятие весьма неоднозначное. Также очевидно и то, что любой переводной текст никогда не будет аб-

солютно идентичен исходному тексту. Таким образом, понятие эквивалентности перевода оригиналу относительное. И даже сама эта относительность может быть весьма различной. Степень эквивалентности переводного текста оригиналу формируют многие факторы: мастерство переводчика, особенности сопоставляемых в процессе перевода языков и культур, эпохи написания текста оригинала и выполнения перевода, методов перевода, жанра и содержания переводимых текстов и т. п.

В последнее время в связи с увеличением числа переводных текстов возникает и возрастает необходимость в адекватном обеспечении исследованиями, направленными на выявление особенностей перевода, тех или иных трансформаций, применяемых переводчиками при работе с семантикой слова, лексико-стилистическими и грамматическими средствами языка.

Сопоставительный лингвопереводческий анализ особенностей языковых трансформаций, используемых при переводе текстов художественной литературы с татарского языка на турецкий, приобретает в настоящее время особую актуальность за счет реальной необходимости всестороннего изучения языка художественной литературы. В современном переводоведении одно из ведущих мест занимает проблематика, касающаяся передачи национально-культурной специфики исходного текста. Именно посредством переводов мы получаем доступ к системам смыслов других культур, которые с помощью переводчиков приобретают свою интерпретацию.

Изучение языковых трансформаций представляется важным и с точки зрения выявления языковой идентичности, своеобразия татарского литературного языка, присущих только ему характеристик, которые невозможно передать в переводе, даже в переводе на родственный язык, вследствие чего переводчики вынуждены использовать языковые трансформации [Замалетдинов].

Художественный перевод – это средство взаимного общения мировых литератур. Татарская литература, уходящая своей историей на тысячелетие назад, обогащалась, как и другие, за счет переводов других литератур. До последней четверти XIX века на татарский язык переводились в основном классические произведения Востока – с арабского, персидского и турецкого языков. В последующие годы русская литература и в какой-то степени европейская постепенно вытеснили этот пласт. К концу XIX века татарские издатели стали активно печатать стихи и басни, повести и драмы русских современников [Хамидуллин].

В конце XIX века понятие «татарская литература» стало активно звучать как среди русского населения, так и в Западной Европе. В то время многие переводы средневековой восточной литературы преподносились как татарские. Конечно, лишь небольшая часть из них была татарской в современном представлении. Здесь имели место и образцы литературы Средней Азии.

Нам известно, что в начале XX века о трагической, но успешной творческой судьбе татарского поэта Г. Тукая узнали в Англии. В 1914 году журнал «The Russian Review» («Русские известия»), издававшийся в Лондоне, опубликовал небольшое сообщение о нем и англоязычный перевод его стихотворения «Пар

ат» («На пароконке»). Также известен факт о том, что руководство татарского отделения международного общества писателей Союза писателей Татарстана стремились развивать свою деятельность в этом направлении. Они добились перевода поэмы «Шурале» на английский язык и издания сборника стихов Тукая на русском и английском языках.

Стихотворения Тукая еще до революции широко распространялись в странах Ближнего Востока. Они публиковались на уйгурском языке в западных районах Китая, на узбекском и казахском – в городах Средней Азии, в периодических изданиях Тифлиса и Баку – на азербайджанском. В 1910–20-х годах некоторые его стихотворения были опубликованы и на турецком языке, а турецкий ученый Фуад Купрулу напечатал о его творчестве обширную статью в журнале «Türk Yurdu» («Турецкий очаг») [Там же].

С тех пор произведения татарских писателей достаточно активно переводились на разные языки (в основном языки народов СССР). В последние годы татарскую прозу и поэзию на русском языке пропагандирует целое поколение переводчиков: Г. Магдеева-Хасанова, Л. Газизова, Н. Краева, Б. Хамидуллин и т. д. Вот уже более десяти лет наши взоры направлены и к деятелям турецкой литературы. Параллельно с переводами турецкой литературы были опубликованы переводы татарской поэзии и прозы на турецкий язык. Эти переводы напрямую связаны с такими именами, как Чулпан Зарипова и Фатих Кутлу. Последним уже изданы на родине произведения народного писателя Татарстана Аяза Гилязова и других авторов. Повесть Гилязова «Три аршина земли» отмечена в Турции высокой литературной наградой.

Интересным в этом аспекте представляется изучение особенностей языковых трансформаций, выявленных при переводе татарской литературы на турецкий язык. Особый интерес при этом вызывают способы перевода тех или иных лексических единиц и оборотов, грамматических форм и конструкций с татарского языка на турецкий. Особенно интересно это в ситуации, когда эти языки являются родственными и входят в одну группу тюркских языков.

Долгие столетия общетюркская литература была понятна своему читателю и не требовала перевода на тот или иной язык. Нередко мы встречаемся с высказываниями о том, что близость татарского и турецкого языков не позво-

ляет говорить о переводческих трансформациях. Однако исследование текста оригинала и текста переводов способствовало выявлению языковых особенностей, характерных только для татарского языка, тем самым доказывая его уникальность и самобытность. Несмотря на схожесть языков и наличие лексических и формальных соответствий, не всегда переводчики используют их, а зачастую применяют разнообразные лексические и грамматические трансформации [Замалетдинов].

В настоящей статье рассмотрены грамматические трансформации в переводах современной татарской прозы на турецкий язык. Анализ переводов произведений современной татарской прозы на турецкий язык показал, что морфологические трансформации, выраженные в большей степени категориальными преобразованиями, встречаются в переводах достаточно часто. Подобные преобразования достаточно органичны и, как правило, не провоцируют существенных изменений в содержании оригинала. Они являются наиболее «незаметными» и для самого переводчика, так как реализуются непосредственно и естественно [Хабибуллина. Замены как грамматические трансформации...].

Говоря о конкретных типах категориально-морфологических трансформаций, стоит отметить, что они достаточно разнообразны, здесь имеют место практически все комбинации «заменяемых» и «заменяющих» частей речи [Там же].

Преобразования, происходящие на уровне частей речи, можно определить как категориально-морфологические трансформации, так как именно части речи являются одной из основных морфологических категорий. Данный тип трансформаций достаточно широко применяется в переводе. Их особенность заключается в том, что они достаточно незаметно отражаются на конечном содержании перевода, то есть не влекут за собой существенных содержательных потерь или модификаций.

Рассмотрим подробнее грамматические замены.

Замены – один из наиболее часто встречаемых видов грамматических трансформаций, которые были выявлены нами в процессе анализа переводов произведений современной татарской литературы на турецкий язык. Скорее всего, это объясняется тем, что близкие по своей структуре, ввиду родственной близости, татарский и турецкий языки безболезненно и без ущерба для семантического значения допуска-

ют чередование синонимичных грамматических категорий. В некоторых случаях грамматическая замена является неизбежной, так как, несмотря на родство языков, отдельные грамматические категории татарского языка заметно отличаются от грамматических категорий в турецком языке.

Говоря о заменах, условно мы можем разделить их на замены на уровне именных частей речи и замены на уровне глагольных частей речи. К заменам на уровне именных частей речи мы можем отнести замену падежных форм имен существительных, выпадение или добавление аффиксов принадлежности и множественного числа, преобразование местоимения, замену одного личного местоимения другим; замену прилагательного существительным или наречием и т. д.

Рассмотрим некоторые из перечисленных выше трансформаций.

Исследования категории падежа в тюркских языках имеют многовековую историю. Первые грамматики тюркских языков, в том числе татарского языка, были написаны учеными арабами и западноевропейскими миссионерами, которые при изучении системы падежа исходили из схемы арабского или европейских языков. Во многих случаях указывалось то из тюркских языков, что подходило под эту схему, а отбрасывалось то, что не подходило [Ганеев, с. 17].

Под различными названиями падежи отмечались еще в первых грамматиках, вышедших на русском языке. Такие исследователи, как И. Гиганов, И. Хальфин, А. Троянский, кроме синтетических падежей, установили наличие в татарском языке некоторых аналитических падежей. М. Иванов и А. Казем-Бек выделяли только синтетические падежи. В изданных в послереволюционный период грамматиках отмечаются только шесть синтетических падежей. Школьные грамматики также предлагают шесть традиционных падежей [Там же, с. 18]. В отличие от традиционного подхода, К. Насыри в своих грамматиках [Насыри] к шести синтетическим падежам добавил аналитический: имя существительное с нулевым аффиксом + послелог *белэн* (с). Подобная классификация перекликается с классификацией системы падежей в турецком языке. Единственное отличие состоит в том, что аналитический падеж, предложенный К. Насыри, в турецком языке имеет как аналитическую форму с послелогом *ile*, так и синтетическую форму с аффиксом *-yla / -yle*.

Исключение составляют работы М. З. Закиева, который, отказавшись от догматических схем, пришел к заключению о многопадежности татарского языка. По его мнению, количество падежей в татарском языке достигает одиннадцати [Закиев].

Ф. А. Ганеев выделяет 10 синтетических падежей [Ганеев, с. 21]. Отличным от общепринятой сегодня системы падежей в классификации Ф. А. Ганеева является то, что он разделяет винительный падеж на определенный и неопределенный, выделяет два местно-временных падежа (с аффиксами *-да / -дә* и с аффиксами *-дагы / -дәге*), также в предложенной им системе падежей присутствуют уподобительный (*-дай / -дәй*), лишительный (*-сыз / -сез*) и обладательный (*-лы / -ле*) падежи. В современном языкознании последние три формы аффиксов принято считать словообразовательными.

В татарском языкознании, кроме синтетических падежей, в работах Ф. А. Ганеева [Там же, с. 26] выделяются и аналитические падежи, то есть падежное значение выделяется не только аффиксальным путем, но и с помощью служебных слов. Впервые на это обратили внимание в своих грамматиках И. Гиганов, И. Хальфин, А. Троянский, М. Иванов. В своих трудах они рассматривали в качестве падежных форм сочетания имен существительных с нулевым аффиксом с некоторыми послелогоми. В советский период особенность, выделенную упомянутыми выше тюркологами, подметил и В. А. Богородицкий. Он отмечал, что в татарском языке падежи выражаются или падежными окончаниями, или послелогоми, которые соответствуют русским предлогам [Богородицкий, с. 147]. Ф. А. Ганеев выделяет 8 аналитических падежей [Ганеев, с. 26]. Он также отмечает, что каждый из них выполняет полисемантические функции.

В грамматиках турецкого языка также наблюдается разное толкование вопроса о количестве падежных форм. Так, М. Эргин [Ergin, с. 215–230] выделяет 9 синтетических падежных форм, шесть из которых полностью совпадают с общепринятой системой падежей в татарском языке. В грамматике Т. Бангуоглу говорится о 10 синтетических падежных формах [Banguoglu, с. 326–331].

Учитывая приведенные выше сведения о падежных системах татарского и турецкого языков, мы можем утверждать, что падежная система турецкого языка близка к падежной си-

стеме татарского языка, и, казалось бы, при переводе татарской литературы на турецкий язык не должны иметь место языковые трансформации на уровне падежной системы. Однако анализ переводных текстов показал, что при реализации перевода в некоторых случаях происходит замена одной падежной формы на другую. Чаще всего это связано с тем, что глагольное управление в татарском языке не всегда совпадает с турецким. Рассмотрим конкретные примеры.

• *Дәрес, без мәдрәсәгә бер вакытта жылабыз, бер вакытта таралабыз...* (М) [Еники, с. 214] / *Doğru medresede aynı vakitte toplanıyor aynı vakitte dağılıyoruz...* (G) [Vasiyet, с. 44] / (Правда, мы собираемся в медресе и расходимся в одно и то же время).

Из приведенного примера мы видим, что использованный в слове *мәдрәсәгә* (в медресе) аффикс направительного падежа *-га / -гә* в турецком варианте был заменен на аффикс местно-временного падежа *-da / -de*: *medresede*. Подобное разночтение вызвано тем, что использованный в данном предложении глагол *жылырга / toplanmak* (собираться) может иметь два варианта управления (*куда собираться?* и *где собираться?*). Автор исходного текста использовал первый вариант, при переводе же использован другой. Оба варианта при этом не препятствуют передаче семантики текста.

• *Ике шәкертнең берсе шигыр яза* (М) [Еники, с. 216] / *İki şekirtten biri şiir yazıyordu* (G) [Vasiyet, с. 46] / (Каждый второй студент сочиняет стихи).

На данном примере мы можем убедиться, что в татарском языке при выражении части целого используется аффикс родительного падежа: *ике шәкертнең берсе* (один из двух студентов). В турецком же языке в этой функции используется аффикс исходного падежа – *iki şekirtten biri*, что, в свою очередь, приводит к подобной морфологической трансформации.

В татарском языке для передачи значения передвижения на каком-либо транспортном средстве используется местно-временной падеж, в турецком же языке для передачи подобного значения используется посредственный (творительный) падеж. Связанную с этим случаем морфологическую трансформацию мы наблюдаем на следующем примере: *тарантасга / at arabasıyla* (на (лошадиной) повозке).

• ...без *бит* эле өчәүләшен читән тарантаста хозур гына авылыбызга кайтын барабыз (М) [Еники, с. 216] / *Üçümüz at arabasıyla neşe içinde köyümüze gidiyorduk* (G) [Vasiyet, с. 46] / (Мы втроем на повозке едем в деревню).

Как мы указывали выше, иногда глагольное управление в татарском языке не соответствует турецкому языку, и тогда переводчик вынужден прибегать к грамматическим заменам. Так, в приведенном ниже примере глагол *ошарга* (нравиться) согласуется с именем существительным в именительном падеже, тогда как в турецком языке глагол *hoşlanmak* (нравиться) согласуется с именем существительным в исходном падеже. Например:

• *Нуриэхмэт хэзрэткэ бу ошамады* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 20] / *Nuriehmet Hezret bundan hoşlanmadı* (SK) [Muhammedi, с. 14] / (Нуриэхмату Хазрату это не понравилось).

• *Шул галәм, шул табигать кочагында яшәүче кешелек жәмгыяте һәм кешеләр үзләре дә шул дәрәжәдә үк камил түгел икән?!* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 47] / *Şu kainatın, şu tabiatın kucasında yaşayan insanlık cemiyeti ve bizzat insanlar niçin bu kadar mükemmel değil ki?* (SK) [Muhammedi, с. 35] / (И почему же это человечество, да и сами люди, живущие в этом мире, в этой Вселенной не идеальны?!).

В словосочетании *табигать кочагында – tabiatın kucasında* (в объятиях природы) при переводе слова *табигать* к нему добавляется аффикс родительного падежа, тем самым неопределенный изафет в тексте оригинала преобразуется в определенный тип изафета.

• *Ә шулай да жанында тыңгылык юк Мирсәетнең...* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 47] / *Yine de gönülü rahat değil Sultangaliyev'in...* (SK) [Muhammedi, с. 35] / (И все же нет покоя на душе у Мирсаита).

В приведенном выше предложении мы имеем дело с заменой местно-временного падежа на именительный: *Мирсәетнең жанында* (в душе у Мирсаита) – *Sultangaliyev'in gönülü* (душа Мирсаита). Данная трансформация обусловлена тем, что в предложении произошла замена подлежащего.

Таким образом, грамматическая замена на уровне падежных форм – довольно распространенное явление при переводе с татарского языка на турецкий. Чаще всего подобная замена обусловлена несовпадением в языках формы глагольного управления.

Как мы упоминали ранее, в одних случаях послелого могут уточнять грамматическое отношение, уже выраженное косвенным падежом. В этом случае речь идет об аффиксально-послеложном выражении падежа, при котором аффиксы мы называем аналитическо-синтетическими. Одной из наших задач было отследить, каким образом трансформируются подобные падежные формы при переводе на турецкий язык. Рассмотрим примеры:

1. Одной из самых распространенных форм падежей в татарском языке, которые мы наблюдали при анализе переводов, является форма с использованием послелога *белән* (с). Данная форма оформляется сочетанием имени существительного в именительном падеже + послелог (с). Данная форма выражает совместность или инструментальное значение. В турецком языке данная форма представлена синтетическим способом, так как исторически послелог *белән* в турецком языке перешел в разряд аффиксов и приобрел форму *-yla / -yle*, сохранив при этом те же значения, что и в татарском языке.

• *Тизрэк, тизрэк Шәмсегаян белән сөйләшергә кирәк!..* (ӨАЖ) [Гыйләжев, 2004, с. 155] / *Hemen acele Şemsigayan'la konuşması lazımdı* (BAT) [Giylecev. Bir avuç toprak, с. 35] / (Немедленно необходимо поговорить с Шамсегаейн).

Здесь послелог *белән* в предложении имеет значение совместности: *Шәмсегаян белән* (с Шамсегаейн), и при переводе он имеет синтетическое оформление: *Şemsigayan'la*.

• *Госман белән Самат – күршеләр* (Телефонлы) [Гыймадиев, с. 48] / *Gosman'la Samat birbiriyle komşular* (Telefonlu) [Altın Sınar, с. 178] / (Госман и Самат – соседи).

В данном примере послелог *белән* имеет значение союза «и»: *Госман белән Самат* – Госман и Самат. В переводном тексте мы вновь наблюдаем использование аффикса *-la*.

Отметим, что в турецком языке употребляется и аналитическая форма орудийно-совместного падежа посредством использования послелога *ile* (с). Однако при анализе переводов случаи подобного использования нами не были обнаружены.

Анализ показал, что падежные формы, используемые в татарском языке с добавлением тех или иных послелогов, при переводе имели аналогичную конструкцию.

2. Выражение причины или цели. Данная форма создается сочетанием существительного

в именительном падеже + послелог *өчен* (для). Выражает значение цели, причины или предназначения. В процессе анализа переводов данная форма оказалась достаточно распространенной.

- ... *чөнки аның үз кулы белән ясаган каеш тупсалы, әржә сыман сандыгында мәдрәсә өчен кирәк бөтен нәрсәсе <...> саклана торган иде...* (М) [Еники, с. 215] / *Çünkü Bedrettin'in kendi eliyle yaptığı kayış mafsalı, küfe gibi sandığında medrese yaşamı için lazım her şeyi <...> bulunuyordu...* (G) [Vasiyet, с. 45] / (Потому что в его смастеренном своими руками и похожем на короб, с кожаными ручками сундуке хранилось все, что могло понадобиться для студенческой жизни...).

На этом примере мы видим, что сочетание *мәдрәсә өчен* (для медресе) при переводе сохраняет свою аналитическую форму, лишь существительное *мәдрәсә* (медресе) трансформировано в именное словосочетание *medrese yaşatı* + послелог *için* (жизнь медресе), что в переводе оформляется как «для жизни медресе». Однако стоит отметить, что и в татарском варианте значение предполагает «для жизни в медресе».

3. При выражении уподобления и сравнения с именем существительным в именительном падеже употребляются послелоги *кебек, шикелле, кадәр, төсле, сыман, хәтле, чаклы* и т. д. Они выражают уподобление кому (чему)-нибудь. При переводе на турецкий язык данная форма также имеет аналитическое оформление, при этом активно используются послелоги *gibi, kadar* и т. д. В приведенном предложении мы имеем дело с аналитической формой данного падежа: *әржә сыман / küfe gibi* (похожий на короб). При переводе также сохранена аналитическая форма. Стоит отметить, что синтетическая форма уподобительно-сравнительного падежа, которая в татарском языке выражается при помощи аффиксов *-дай / -дәй / -тай / -тәй*, в турецком языке имеет только аналитическое оформление:

- ... *аның бөдрәләнеп торган йомишак чәчләрен балавыздай сары битләренә сибеп-сипеп куйды* (ЖКК) [Гыйләжев, 1982, с. 216] / ... *dalgalı yumuşak saçlarını balmumu gibi sararmış yüzüne yayıverdi* (CGA) [Giylesev. Cuma günü, akşam, с. 33] / (... выщипывая волосы развевал по ее, словно воск, лицу).

В приведенном примере синтетическая форма уподобительного падежа, выраженная аффиксом *-дай*: *балавыздай* (словно воск), в переводе трансформировалась в аналитическую

форму, выраженную сочетанием имени существительного *balmumu* (воск) + послелог *gibi* (словно, как).

4. Использование послелогов *турында, хакында* (о). Данная форма оформляется сочетанием имени существительного в именительном падеже и упомянутых послелогов. Выражает собой объект разговоров, размышлений, забот. При переводе на турецкий язык данные конструкции практически во всех случаях оформляются аналитическим способом с применением послелога *hakkında*. Однако в отдельных случаях встречаются и другие виды преобразований.

- *Сүз Гаспралы Исмагыйль турында түгел бит әле* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 8] / *Mesele Gaspıralı değil şimdi* (SK) [Muhammedi, с. 4] / (Речь не об Исмаиле Гаспринском).

В данном примере конструкция *Гаспралы Исмагыйль турында* (об Исмаиле Гаспринском), образованная именем существительным и послелогом, при переводе путем синтаксической трансформации приобрела форму *Mesele Gaspıralı değil* (Тема – не Гаспринский). При данном преобразовании дополнение в исходном тексте было заменено именем сказуемым. Эта замена не является вынужденной, так как это в большей степени личное решение переводчика.

5. Использование послелогов, обозначающих место расположения. Данная форма оформляется сочетанием имени существительного в именительном падеже + послелог или послеложные слова (*арасында, астында и т. д.*). Выражает предмет на поверхности, вдоль, рядом или ниже которого что-либо находится или что-то происходит. Данные конструкции при переводе на турецкий язык сохраняют свою аналитическую форму, однако имя существительное в турецком языке присоединяет к себе аффикс родительного падежа – *ağaçların arasında* (среди деревьев), так как послеложные слова, выражающие значение местного, исходного и направительного падежа, согласуются со стоящими перед ними существительными в родительном падеже:

- ... *гүяки, бу ағачлар арасында, үләннәр урынына, кәгазьгә төрөлгән хәлдә башлы шикәрләр үсеп утыралар...* (Сәмиг) [Әмирхан, с. 307] / *Güya bu ağaçların arasında, otlar yerine, kağıda sarılmış halde küp şekerler büyüymüş* (Semig) [Vasiyet, с. 119] / (... и словно среди этих деревьев, вместо травы растут куски сахара, обернутые в бумагу).

6. Использование послелогов, выражающих исходный падеж. Данная форма выражается сочетанием имени существительного в именительном падеже + послеложные слова *астыннан, өстенән* и т. д. Перевод подобных аналитических форм на турецкий язык происходит по аналогии с вышеупомянутой формой:

- ... *тау артыннан сызылып килгән таң белән бергә, авылдан киң яланга чыктык* (ТБ) [Ибраһимов, с. 1] / ... *dağın arkasından doğan tanla birlikte köyden geniş kırlara doğru açıldık* (КÇ) [Altın Sincap, с. 128] / (Мы вышли на широкую полянку вместе с взошедшим из-за горы солнцем).

В этом предложении конструкция *тау артыннан* (из-за горы) при переводе трансформировалась в конструкцию: имя существительное в родительном падеже + послеложное слово: *dağın arkasından*.

7. Использование послелогов, выражающих направительный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного в именительном падеже + послеложные слова, обозначающие направление: *өстенә, астына* и т. д. Приведенные ниже примеры демонстрируют преобразование аналитической конструкции путем уподобления и добавления к имени существительному аффикса родительного падежа.

- ...ак эбиләр *тау-сырт өстенә жылылып Коръән чыга укән дигән хәбәрдән Дүсем авылы тынып калды* (АӘД) [Яхин, с. 3] / *Köydeki mübarek ninelerin tepenin başına toplanıp yüksek sesle Kur'an okumaya başladığı haberi Düsim Köyü'nü hayretler içinde bıraktı* (EDDBV) [Vasiyet, с. 139] / (Новость о том, что набожные старушки соберутся на вершине горы и будут читать вслух Коран, удивила всех жителей деревни Дюсем).

В приведенном предложении мы наблюдаем, как конструкция *тау-сырт өстенә* (на склон горы) переводится как *tepenin başına* (на вершину горы).

В отдельных случаях при переводе происходят и более широкие преобразования, в частности добавление слов. Так, в приведенном ниже предложении сочетание *кәжәбез янына* (к нашей козе) переведено как *keçimizin olduğu yere* (к месту, где находится коза).

- *Менә кичен миңа ияерсең, туп-туры кәжәбез янына алып барам үзеңне!* (Телефонлы) [Гыймадиев, с. 51] / *Ben seni doğrucu keçimizin olduğu yere götürüyüm* (Telefonlu) [Altın Sincap, с. 179] / (Вот пойдешь

вечером со мной, я прямиком приведу тебя к нашей козе!).

Иногда аналитические конструкции трансформируются в синтетическую падежную форму, иногда даже в другой падеж. Так, в приведенном ниже предложении конструкция, выражающая значение направления *ил өстенә* (на страну) при переводе была преобразована в слово *ülkede* (в стране). Подобная трансформация произошла вследствие дробления в процессе перевода сложносочиненного предложения на простые.

- *Ил өстенә ачлык куркынычы төшеп, көннарнең яме бозылды* (АӘД) [Яхин, с. 1] / *Ülkede açlık tehlikesi başgösterdi. Günlerin tadı tuzu kalmadı* (EDDBV) [Altın Sincap, с. 137] / (Над страной нависла угроза голода, радость дней улетучилась).

8. Использование послелогов, выражающих причину. Подобные аналитические конструкции оказались самыми малоактивными. При анализе текстов оригинала и переводов подобных конструкций нами обнаружено не было.

Таким образом, анализ грамматических замен на уровне падежных форм имен существительных в турецком языке показал, что в преобладающем большинстве случаев падежные формы как текста оригинала, так и переводного текста совпадают в обоих языках, за исключением случаев, когда в обоих языках отличается глагольное управление. Также аналитические конструкции с использованием послелогов при переводе трансформируются путем уподобления, за исключением немногочисленных преобразований (добавление аффиксов, добавление лексем). В отдельных случаях замена происходит по воле самого переводчика, выбравшего иной способ преобразования значения.

Категория числа в татарском языке указывает на единичность или на неопределенное множество предметов, имеет форму единственного и множественного числа.

При анализе переводов художественных произведений с татарского языка на турецкий были выявлены грамматические замены на уровне числа имени существительного. Например:

- ... *бик күп жирләргә ағач утыртты* (ЖКК) [Гыйләжев, 1982, с. 212] / ...*pek çok yere ağaç diktirdi* (CGA) [Giylecev. Cuma..., с. 27] / (Он посадил повсюду много деревьев).

В исходном тексте слово *жирләргә* (в местах), использованное во множественном числе, при переводе трансформируется посред-

ством единственного числа: *yerē*. Здесь также стоит отметить, что число существительного выражено и аналитическим способом: значение множественного числа передает лексема *çok* (много), а согласование во множественном лице для турецкого языка нехарактерно, что и послужило причиной выпадения аффикса множественного числа при переводе.

В следующем примере в татарском варианте лексема *туйлар* (свадьбы) имеет аффикс множественного числа. Однако здесь речь идет не о множестве свадеб, а об одной, но затянувшейся, согласно татарским традициям, на несколько дней. Поэтому при переводе на турецкий язык аффикс множественного числа не используется, так как при его использовании меняется и смысл.

• *Туйлар булды...* (Сэмиг) [Әмирхан, с. 298] / *Düğün oldu...* (Semig) [Vasiyet, с. 112] / (Свадьба прошла).

Иногда трансформация множественного числа при переводе в единственное число обусловлена стилистическими особенностями использования той или иной лексемы. Например:

• *...офыклар киңәп, ераккарак киттеләр* (ӨАЖ) [Гыйләжев, 2004, с. 181] / *...ufuk açıldı, iyice geniş bir alana yayıldı* (BAT) [Giylecev. Bir., с. 67] / (Горизонт расширился).

Здесь использованная во множественном числе в исходном тексте лексема *офыклар* (горизонт) при переводе передается в единственном числе: *ufuk*. Известно, что в татарском языке названия предметов реальной действительности, являющихся единственными в своем роде, употребляются в единственном числе [Татарская грамматика, с. 39]. Использование данного слова во множественном числе в языке оригинала является стилистическим приемом автора. Употребление же в турецком языке данной лексемы во множественном числе стилистически недопустимо, что и явилось причиной подобной трансформации.

В большинстве случаев при переводе использование того или иного числа имени существительного сохраняется. Например, известно, что форма множественного числа употребляется и при осмыслении того или иного лица как типичного представителя группы лиц с определенными качествами, свойствами [Там же, с. 40].

• *Госманнарның авылы тау астында урнашкан* (Телефонлы) [Гыймадиев, с. 47] / *Gosmanların köyü tepenin eteğindedi* (Telefonlu)

[Altın Sınca, с. 177] / (Деревня Госмана расположилась под горой).

На этом примере мы наблюдаем, что подобное стилистическое использование аффикса множественного числа сохраняется и при переводе. Это связано с близостью татарского и турецкого языков и соответствием в них большинства функций тех или иных грамматических категорий.

Встречаются случаи, когда аффикс множественного числа отсутствует в татарском языке и добавляется при переводе.

• *Бәдретдин кешега бер дә йөк булырга яратмый иде* (М) [Еники, с. 216] / *Bedrettin insanlara yük olmayı hiç sevmezdi* (G) [Vasiyet, с. 44] / (Бадретдин никогда не любил быть для кого-то обузой).

Лексема *кешега* (человеку) при переводе приобретает аффикс множественного числа: *insanlara* (людям). Данную трансформацию можно объяснить тем, что в исходном тексте данное слово больше имеет конкретизированное значение «кому-либо» и использовано в единственном числе, а использованный при переводе аффикс множественного числа передает значение «всем людям», что подразумевает некую группу людей.

Однако трансформация единственного числа во множественное и наоборот при переводе не всегда имеет логическое объяснение. Иногда мы сталкиваемся с переводческими ошибками, при этом выпадение аффикса множественного числа или его добавление при переводе изменяет смысл текста:

• *... күрше районнан да машина-машина бетон плиталар килде...* (ЖКК) [Гыйләжев, 1982, с. 212] / *... komşu ilçelerden kaç araba hazır beton duvarlar getirtti* (CGA) [Giylecev. Cuma., с. 28] / (Из соседнего района машинами привозили бетонные плиты).

В приведенном примере аффикс множественного числа отсутствует в тексте оригинала и добавляется при переводе: *күрше районнан / komşu ilçelerden* (из соседнего района / из соседних районов). В результате происходит искажение смысла текста. Если из исходного предложения мы видим, что «бетонные плиты везут из соседнего района», то в переводе «бетонные плиты везут из соседних районов».

Подводя итоги, отметим, что в большинстве случаев категория числа при переводе татарских прозаических произведений на турецкий язык по причине совпадения как грамматических показателей, так и лексических значений

сохраняет исходную форму, то есть имеет место уподобление. Однако приведенные выше примеры также показывают, что в отдельных случаях происходит замена. В одних случаях наблюдается опущение аффикса множественного числа, в других, наоборот, наблюдается добавление. Причиной подобных замен в большинстве случаев является различие стилистических значений либо индивидуальный стиль языка переводчика. Также стоит отметить, что в редких случаях подобные замены влекут за собой переводческие ошибки.

В тюркских языках, в том числе и в татарском, принадлежность выражается посредством добавления аффиксов принадлежности. Основным значением этой категории является значение принадлежности. С помощью специальных аффиксов этой категории выражается принадлежность предмета лицу, одновременно указывается и предмет обладания, и лицо обладателя [Татарская грамматика, с. 31]. Как в татарском, так и в турецком языке категория принадлежности имен существительных представлена формами первого, второго и третьего лица, в единственном и множественном числе каждый. Если обратить внимание на грамматические показатели данной категории, то в обоих языках также прослеживается явная схожесть, за исключением некоторых фонетических чередований.

• ... *без өч шәкерт, бер атка утырып, өяз мэдрәсәсеннән авылыбызга кайтырга чыктык* (М) [Еники, с. 214] / *Biz üç şakirt bir ata binip ilçe medresesinden köyümüze doğru yola çıktık* (G) [Vasiyet, с. 44] / (Мы, три шакирда, сев на одну лошадь, направились из областного медресе в свою деревню).

В приведенном примере слово *авылыбызга / köyümüze* (в свою деревню) имеет совпадение по всем грамматическим показателям. Окончание принадлежности в словосочетании *өяз мэдрәсәсеннән / ilçe medresesinden* (из областного медресе) участвует в образовании именного словосочетания, грамматические показатели и лексическое значение имеют полное совпадение.

В отдельных случаях в обоих языках совпадают и стилистические значения при употреблении аффиксов принадлежности. Так, в предложении:

• *Булды, улым* (М) [Еники, с. 220] / *Hazır oğlum*. (G) [Vasiyet, с. 50] / (Готово, сынок) – аффикс принадлежности первого лица единственного числа в слове *улым/ oğlum* (мой сын

= сынок) не выражает чистой принадлежности. В данном случае он лишь придает словам эмоциональную окрашенность.

Несмотря на схожесть использования данной категории в обоих языках, при анализе переводов нами были выявлены грамматические замены и на уровне использования аффиксов принадлежности. Рассмотрим примеры:

• *Һәрбер шәкерт төлләп алган калын дәфтәрәнә жыр күчәрә...* (М) [Еники, с. 216] / *Her bir şakirt kapladığı kalın deftere şarkı sözlerini, şiirleri geçiriyor...* (G) [Vasiyet, с. 46] / (Каждый студент переписывает в переплетенную тетрадь слова песен).

В этом примере использованный в исходном варианте аффикс принадлежности третьего лица единственного числа в слове *дәфтәрәнә* (в свою тетрадь) при переводе выпадает: *deftere* (в тетрадь). Вместе с выпадением аффикса теряется и значение принадлежности, что можно назвать переводческой неточностью.

В некоторых случаях при выпадении аффикса принадлежности лексическое значение компенсируется посредством других грамматических показателей.

• ... *алла үз сүзеннән үзе өрөктөмө...* (АЭД) [Яхин, с. 4] / *...yoksa söylediği sözden kendisi mi korkmuştu...* (EDDBV) [Vasiyet, с. 139] / (Или же сам испугался своих слов).

В исходном тексте слово *сүзеннән* (от своего слова) имеет в своей структуре аффикс принадлежности третьего лица единственного числа. В переводе данный аффикс отсутствует: *sözden*. Однако само значение принадлежности компенсировано в предыдущем слове *söylediği* (сказанное им), выраженном причастной формой. Таким образом, несмотря на выпадение аффикса принадлежности, другое слово приняло на себя смысловую нагрузку, что способствовало сохранению исходного смысла.

В ряде предложений имеет место обратное явление – добавление аффикса принадлежности при переводе. В следующем сложносочиненном предложении, которое состоит из трех простых, переводчик в каждое из них добавил категорию принадлежности:

• *Аңар бар да ак булсын, бар да пак булсын, бар да ялтырап торсын* (ТБ) [Ибрагимов, с. 6] / *Onun her şeyi ak olsun, her şeyi pak olsun, her şeyi parlayıp dursun* (КÇ) [Altın Sincap, с. 128] / (А ей бы все было белым, все было чистым, все бы сверкало).

В предложении трижды повторяется лексема *бар да* (все), которая в переводе трансфор-

мируется в лексему *her şey (все)*. В переводе данная лексема имеет аффикс принадлежности третьего лица единственного числа *her şeyi* (ей все).

В следующем предложении имеет место подобное явление, его можно обосновать стилистическими особенностями турецкого языка:

- ...*биттән, муеннан, аркалардан тир ага, күлмәкләр тәнгә ябышты* (ТБ) [Ибраһимов, с. 6] / *Yüzümüzden, boynumuzdan, sırtımızdan ter akıyor; elbiselerimiz tenlerimize yapıştı* (KÇ) [Altın Sincap, с. 128] / (...по лицу, по шее, по спине пот течет градом, рубашка прилипла к телу).

В этом предложении добавление аффикса принадлежности при переводе также можно объяснить стилистической причиной, так как в турецком языке при использовании лексики, обозначающей части тела (так же как и ряд других групп), конкретизация объекта, которому они принадлежат, является стилистически обязательной.

В некоторых случаях аналитические показатели категории принадлежности существительного при переводе заменяются синтетическими:

- *Аң күтәрелен карагач та, минем йөрәк аллә нишләп китте* (М) [Еники, с. 220] / *Ona şöyle bir bakınca yüreğim bir hoş oldu* (G) [Vasiyet, с. 51] / (Когда я посмотрел на нее, мое сердце екнуло).

На приведенном примере мы видим, что в тексте оригинала в конструкции *минем йөрәк* (мое сердце) значение принадлежности выражено аналитически при помощи местоимения *минем* (мой, моя, мое). При переводе значение принадлежности выражено синтетическим способом: *yüreğim*. Подобный способ не является обязательным, причиной тому здесь служит предпочтение переводчика.

Отметим, что категория принадлежности имен существительных при переводе с татарского языка на турецкий в большинстве случаев имеет совпадение как с точки зрения грамматических показателей, так и семантических и стилистических значений.

Степени сравнения прилагательных в татарском языке выражают различия в степени проявления одного и того же признака у разных предметов и лиц. Данная категория передается особыми грамматическими и лексическими средствами.

Сравнительная степень прилагательных и наречий обозначает большую интенсивность

того или иного признака предмета по сравнению с такими же признаками других предметов [Татарская грамматика, с. 31]. В татарском языке сравнительная степень имеет свой грамматический показатель – аффикс *-рак / -рәк*.

В турецком языке сравнительная степень прилагательных и наречий обозначается аналитическим способом – при помощи вспомогательного слова *daha* (еще). Отсутствие в турецком языке грамматического показателя (аффикса) сравнительной степени имен прилагательных и наречий порождает следующую словообразовательную трансформацию, выраженную заменой синтетической (аффиксальной) формы на аналитическую:

- *Һәм аны да Казанда яисә Уфада түгел, ераграк шәһәрдә, әйттик Питерда уздырырга дигән ният була* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 243] / *Ve bu kurultayı da Kazan'da, Ufa'da veya Moskova'da değil daha uzak şehirde, mesela Petersburg'da yapmak düşünülmür* (SK) [Muhammedi, с. 203] / (И есть намерение провести его не в Казани или Уфе, а в более далеком городе, скажем, в Питере).

В данном предложении в тексте оригинала присутствует слово *ераграк* (более далекий), образованное путем присоединения в основе прилагательного *ерак* (далекий) аффикса сравнительной степени *-рак*. В переводе же мы встречаемся с использованием в данной функции вспомогательного слова *daha* (еще): *daha uzak* (еще дальше). Таким образом, синтетическая форма в татарском языке при выражении сравнительной степени имен прилагательных при переводе на турецкий язык всегда заменяется на вышеуказанную аналитическую форму.

Аффикс *-рак / -рәк* в некоторых случаях может использоваться и при выражении меньшей интенсивности проявления признака. Подобное использование данного аффикса допустимо в случаях, если аффикс сравнения присоединяется к другим частям речи, например к наречиям. При переводе таких лексем, имеющих сравнительную степень, в турецком языке могут происходить различные трансформации. Например, в отдельных случаях происходит замена сравнительного аффикса в татарском варианте на словообразовательный аффикс в тексте перевода:

- *Бүген көтү, ни сәбәптәндәр, иртәрәк кайтты* (АЭД) [Яхин, с. 2] / *Sürü bugün nedense erkence döndü* (EDDBV) [Altın Sincap, с. 139] / (Сегодня почему-то скотина вернулась с пастбища раньше).

В данном случае при переводе произошла замена аффикса *-рәк*: *иртәрәк* (раньше) на словообразовательный аффикс *-се*: *erkence* (раньше, рановато), который также выражает уменьшение интенсивности признака.

В отдельных случаях аффикс сравнительной степени при переводе просто опускается.

- *Мирвали идәнне шыгырдатмаска тырышып саграк атлыи башлады* (ӨАЖ) [Гыйләжев, 2004, с. 157] / *Mirveli zemini gıçırdatmataya çalıřarak adımlarını dikkatli atmaya başladı* (БАТ) [Giylecev. Bir., с. 37] / (Мирвали стал шагать осторожнее, так, чтобы половицы не скрипели).

Таким образом, при переводе сравнительных прилагательных, а в отдельных случаях и наречий, имеющих в своей структуре аффикс сравнительной степени, чаще всего происходит замена аффикса *-рак* / *-рәк* аналитической формой с использованием вспомогательного слова *daha*. В отдельных случаях мы наблюдаем замену словоизменительного аффикса словообразовательным, близким по лексическому смыслу. Реже всего происходит опущение данного аффикса при переводе.

Другую большую группу замен составляют замены на уровне глагольных категорий. Рассмотрим отдельные примеры наиболее распространенных морфологических замен, осуществляемых в процессе перевода произведений татарской прозы на турецкий язык.

- *...ә Бәдретдинне юл өстендәге Ишле авылында калдырып китергә тиешбез* (М) [Еники, с. 214] / *Bedrettin'i ise yol üstündeki İşli köyüne bırakacaktık.* (G) [Vasiyet, с. 44] / (А Бадретдина мы должны подбросить до деревни Ишле, расположенной вдоль дороги).

В данном предложении мы встречаем замену категории необходимости в исходном языке на сложное глагольное время в турецком.

Стилистически обе формы, несмотря на разницу в грамматическом оформлении, имеют одинаковое смысловое значение: *калдырып китергә тиешбез* (должны завезти) и *bırakacaktık* (должны были, собирались завезти).

- *Тагын шунысы да кызык, никадәр генә ярлы булмасын...* (М) [Еники, с. 215] / *Şu da ilginçtir ki o kadar fakir olmasına rağmen...* (G) [Vasiyet, с. 45] / (Интересно и то, что насколько бы беден он ни был...).

В этом предложении отрицательная форма условного наклонения *никадәр генә ярлы булмасын* (как беден бы он ни был) с целью

передачи лексического значения в переводе нашла отражение в форме *o kadar fakir olmasına rağmen* (несмотря на то что он был так беден).

Интересны примеры с использованием условного наклонения в языке оригинала. Так, в приведенном ниже предложении условное наклонение *çайгә утырсаң* (если сядешь пить чай) в переводе трансформировано в дееспричастие *çaya oturunca* (сев пить чай).

- *Çайгә утырсаң, исең китәр...* (ТБ) [Ибраһимов, с. 2] / *Çaya oturunca aklın gider* (КÇ) [Altın Sınır, с. 128] / (Сядешь за стол пить чай, диву даешься...).

Иногда мы наблюдаем замену одного глагольного залога другим. Подобные замены, осуществляемые параллельно с заменой объектов и субъектов действия, представляют собой логическую трансформацию.

- *Бу инде эсселек жиңә башлаган дигән сүз була* (ТБ) [Ибраһимов, с. 3] / *Бу, artık sıcağa yenilmeye başladık demektir...* (КÇ) [Altın Sınır, с. 129] / (Это уже значило, что жара одолевает нас).

Текст оригинала звучит как *эсселек жиңә башлаган* (жара начинает побеждать), тогда как в переводе – *sıcağa yenilmeye başladık* (мы сдались перед жарой). Если в оригинале мы имеем дело с субъектом действия и предикатом, то в переводе субъект заменен на объект действия, а сказуемое представлено в страдательном наклонении.

- *Соңгы елларда Зәйдә ГРЭС салдылар* (ЖКК) [Гыйләжев, 1982, с. 216] / *Son yıllarda Zey'e hidroelektrik santrali kuruldu* (CGA) [Giylecev. Cuma., с. 26] / (В последние годы в Заинске построили ГРЭС).

Неопределенно-личное предложение в тексте оригинала при переводе трансформировалось в безличное, глагол *салдылар* (построили) в переводе имеет аффикс страдательного наклонения *kuruldu* (была построена).

- *Муенындагы кан тамырлары бүртеп чыкты атаның, колаклары кызыша башлады* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 18] / *Boynundaki kan damarları şişer babanın, kulakları tutuşur* (SK) [Muhammedî, с. 12] (Вены на его шее вздулись, уши начали гореть).

Сказуемые сложносочиненного предложения в тексте оригинала представлены определенным прошедшим временем: *бүртеп чыкты* (вздулись), *кызыша башлады* (начали гореть). При переводе спряжение сказуемых трансформировалось в настоящее-будущее время: *şişer* и *tutuşur*.

• *Их, ничек кенә аңлатырга соң боларны әнисенә* (СК) [Мөхәммәдиев, с. 31] / *Nasil anlatmalı bunları annesine* (SK) [Muhammedi, с. 21] / (Эх, как же все это объяснить матери).

Сказуемое в этом предложении представлено формой инфинитива: *аңлатырга*. При переводе грамматическая форма сказуемого была трансформирована путем замены на форму категории должностования *anlatmalı* (должен объяснить).

Таким образом, мы можем утверждать, что при переводе татарской прозы на турецкий язык замены на уровне грамматических категорий – явление достаточно распространенное. Причиной тому в большинстве случаев являются те или иные стилистические особенности употребления определенных форм и собственно желание переводчика использовать ту или иную категорию. Широко распространены замены грамматических категорий как на уровне именных частей речи, так и глагольных. В целом использование подобных замен не нарушает смысловую целостности текста оригинала.

Список сокращений

На татарском языке:

АӘД – Ак әбиләр догасы

ЖКК – Жомга көн кич белән (Гыйләжев А.)

М – Матурлык

ӨАЖ – Өч аршин жир (Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр)

Сәмиг – Сәмигулла абзый

СК – Сират күпере

ТБ – Табигать балалары

Телефонлы – Телефонлы кәжә

На турецком языке:

G – Güzellik

SK – Sirat Köprü

BAT – Bir Avuç Toprak

Telefonlu – Telefonlu Keçi

CGA – Cuma Gün Akşam

Semig – Semigulla Amca

KÇ – Köy Çocukları

EDDBV – Elbet Duayı Duya Biri Var

Литература

Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1957. 269 с.

Ганев Ф. А. Вопросы морфологии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 81 с.

Насыри К. Избранные произведения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 183 с.

Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и исто-

рии востоковедения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1964. С. 207–219.

Замалетдинов Р. Р. Татарская культура в языковом сознании. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. 239 с.

Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 397 с.

Хабибуллина Э. К. Замены как грамматические трансформации, используемые при переводе татарской художественной прозы на турецкий язык // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11/2. С. 265–268.

Хабибуллина Э. К. Особенности грамматических трансформаций при переводе произведений татарской литературы на турецкий язык // Прикладные аспекты сопоставительной лингвистики: обучение иностранному языку с опорой на родной язык: (материалы II Международной науч.-практ. конф., проводимой в рамках IV Международного научно-практического форума «Сохранение и развитие языков и культур», КФУ. Казань, 2015. С. 107–110.

Хамидуллин Л. Татарская литература и проблемы перевода. URL: <http://idel-journal.ru/ru/about-joomla/item/490-tatarskaya-literatura-i-problemyi-perevoda.html> (дата обращения: 01.02.2015).

Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр. Казан: ТаРИХ, 2002. Б. 297–308.

Гыйләжев А. Жомга көн, кич белән... Повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 360 б.

Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр. Казан: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияте (ТаРИХ), 2004. 511 б.

Гыймадиев А. Телефонлы кәжә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. Б. 48–51.

Еники Ә. Юлчы: Хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. Б. 214–224, 267–308.

Ибраһимов Г. Табигать балалары // Татар хикәясе антологиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Б. 71–80.

Мөхәммәдиев Р. Сират күпере. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 512 б.

Яхин Ф. Ак әбиләр догасы: Хикәяләр, повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 255 б.

Altın Sincar. İlköğretim Öğrencilerine Tatar Çocuk Hikayeleri. Çeviri: Fatih Kutlu. Ankara, 2014. 293 s.

Banguoglu T. Dilbilgisi. Ankara: TDK Yayınları, 1998. 465 s.

Ergin M. Türk Dilbilgisi. İstanbul: Cumhuriyet, 1990. 389 s.

Gıylecev Ayaz. Bir avuç toprak. Çeviri: Fatih Kutlu. Ankara: BENGU matbaası, 2013. 113 s.

Gıylecev Ayaz. Cuma günü, akşam. Çeviri: Fatih Kutlu. Ankara: BENGU matbaası, 2013. 202 s.

Muhammedi Rinat. Sirat Köprüsü. Sultan Galiyev. Çeviri Mustafa Öner. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1993. 444 s.

Vasiyet. Çeviri: Fatih Kutlu. İzmir: Çağlayan Matbaası, 2005. 144 s.

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ПРОЗАСЫН ТӨРЕК ТЕЛЕНӘ ТӘРЖЕМӘ ИТКӘНДӘ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТӨРЕ БУЛАРАК ГРАММАТИК АЛМАШЛАР

Эльмира Камил кызы Хәбибуллина,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
minabova@mail.ru.

Әлфия Шәүкәт кызы Юсупова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
alyusupova@yandex.ru.

Әдәби әсәрләргә бер телдән икенче телгә тәржемә итү процессында барлыкка килгән тел үзенчәлекләрен өйрәнү бүгенге тел белеме фәнендә актуаль мәсьәләләрдән санала. «Бер телдән икенче телгә» тәржемә ул реаль чынбарлыкта сүзләр һәм грамматик элементларны бер телнекен икенчесенекә белән алмаштыру гына түгел. Катлаулы тәржемә процессында төрле мәдәниятләр очраша, шәхесара мөнәсәбәтләр, тәржемәчәнең шәхси күзаллау үзенчәлекләре дә катнаша. Кардәш телләр арасында, аерым алганда, татар теленнән төрек теленә тәржемәдә тәржемә трансформацияләре тикшеренүчеләрдә зур кызыксыну уята. Соңгы елларда татар матур әдәбиятының төрек теленә тәржемәләре саны күзгә күренеп арта. Төрек укучысына А. Гыйләжәв, Ә. Еники, Р. Мөхәммәдиев, Р. Батулла һ. б. язучыларның әсәрләре белән туган телләрендә танышу мөмкинлеге туды. Әлеге мәкаләдә, татар прозасының төрек теленә тәржемә трансформацияләренә бер төре буларак, грамматик алмаштырулар анализлана. Аның киң таралыш алган төрләрәннән, килеш формаларын алмаштырулар карала, шулай ук исем һәм фигыль, сыйфат һәм сан формаларын алмаштырулар билгеләп үтелә. Мәкалә авторлары грамматик алмаштыруларга оригинал текстлардан һәм тәржемәләрдән күп санлы мисаллар китерәләр, рус теленә тәржемәләрен бирәләр, комментарийлар белән тулыландыралар.

Төп төшенчәләр: лингвистика, тәржемә теориясе һәм гамәле, тәржемә трансформацияләре, татар әдәбияты, татар теле, төрек теле.